

DOI 10.25991/VRHGA.2021.22.2.003

УДК 091

Е. А. Иванов*

ИСТОРИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ И ОБЫДЕННЫЙ ОПЫТ: ФИЛОСОФСКО-ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

Проблема природы исторического нарратива в его соотносительности со смыслопорождающими структурами опыта повседневности достигла едва ли не предельных значений актуализации. Несмотря на существующие различия типов рационализации, и исторический нарратив, и формы обыденного сознания основываются на сходных процедурах объяснения и понимания. Это свидетельствует о наличии историко-генетических связей между техниками нарративной упорядоченности исторического описания и когнитивными структурами обыденного опыта. В статье предпринимается попытка прояснения сущности этих связей на путях их эпистемологической проблематизации.

Ключевые слова: исторический нарратив, обыденный опыт, здравый смысл, объяснение, понимание.

Ivanov E. A.

HISTORICAL NARRATIVE AND EVERYDAY EXPERIENCE: PHILOSOPHICAL AND EPISTEMOLOGICAL ANALYSIS

The problem of the nature of the historical narrative in its correlation with the meaning-generating structures of everyday experience has reached a high level of actualization. Despite the existing differences in the types of rationalization, both the historical narrative and the forms of ordinary consciousness are based on similar procedures of explanation and understanding. This indicates that there are historical and genetic connections between the techniques of the narrative ordering of historical description and the cognitive structures of ordinary experience. This article attempts to clarify the essence of these connections on the ways of their epistemological problematization.

---

* Иванов Евгений Александрович, младший научный сотрудник кафедры философии, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена; Jenua94.04.10@mail.ru

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-311-90077.

Keywords: historical narrative, ordinary experience, common sense, explanation, understanding.

Переход от классической рациональности к неклассической ознаменован переосмыслением исходных понятий европейской философии, господствовавших в онтологии и теории познания вплоть до начала XX в. Этот процесс сопровождался существенным смещением акцентов в развитии философско-эпистемологической рефлексии: на передний план оказались выдвинутыми задачи переосмысления традиционных проблем онтологии, логики и теории познания с точки зрения знаково-символических форм, их репрезентирующих. Поворот к языку первоначально был связан с прояснением функций истинности единичных высказываний, с разработкой аналитики их осмысленности и техник идентификации объектов референции. В целях преодоления кризисных явлений в основаниях научного познания неопозитивисты обратились непосредственно к анализу языка науки, процедурам подтверждения и опровержения истинности высказываний, а также правилам соответствия, благодаря которым осуществляется перевод с языка теоретических терминов на язык терминов опыта. В дальнейшем, как известно, неопозитивистская программа столкнулась с рядом трудностей. Вопрос об истинности как о возможности сведения теории к подтверждающим или опровергающим атомарным предложениям сменился вопросом об условиях истинности сверхфразовых единств в рамках языковых контекстов специализированных языков науки. Соотношение разных контекстов осуществляется на основе практических соображений, а соотношение с обыденным языком рассматривается либо как проблематичное, либо как бессмысленное [7]. В результате специализированные, искусственные языки науки начинают рассматриваться как несводимые друг к другу языковые игры, производные от естественного языка и регулируемые конвенционально определяемыми правилами.

Внимание к естественному, неспециализированному языку и лежащему в его основе опыту повседневности является одним из главных приоритетов философии XX в. (как континентальной, так и аналитической традиции [1; 9; 13]). Принципиальным моментом в философском анализе повседневности и обыденного опыта в XX в. является указание на необходимость рассматривать всякое научное знание как продукт деривации от донаучного, преобразованного в результате модификации структур опыта повседневности. Начало тематизации повседневности в XX столетии положено исследованиями Э. Гуссерля, указавшего на фундаментальную роль «жизненного мира» как проблематизирующего основания, «в рамках которого возникают все научные и даже логические понятия» [18, с. 60]. Вместе с тем содержательно сходную позицию можно обнаружить в работах позднего Витгенштейна, где заданный повседневной практикой или «формой жизни» обыденный язык выступает в качестве порождающей структуры любых, в т. ч. и научных высказываний. И в том и в другом случае обнаруживается, что всякое знание, по сути своей, базируется на нерефлексивном, нетематизированном опыте повседневности, который «включает три основные когнитивные структуры: естественный язык, чувственный опыт и обширную систему знаний, которую принято называть здравым смыслом» [15, с. 64].

Исследования историков (за редкими исключениями исследований в рамках чисто демографической или экономической истории) не могут быть представлены в дискурсивной форме, характерной для естественных наук. Итогом исторического исследования является построение исторического нарратива. Современный историк понимает, что историческое исследование не может быть оторвано от процесса повествования о нем в противовес распространенным, восходящим к К. Попперу представлениям о том, что, когда историк пишет книгу по истории, «он делает это как писатель, а не как историк» [11, с. 332].

Отделение собственно исторического нарратива от нарративов мифологических или вымышленных обнаруживается в эпоху развития письменных цивилизаций, оформляясь окончательно в работах древнегреческих историков. Аристотель в «Поэтике» резко противопоставил написание истории поэтическому подражанию действию. Отличием исторического нарратива от фикционального является характер референции. Фикциональный нарратив отражает систему языковых различий или структуру воображения автора, тогда как исторический нарратив предполагает репрезентацию исторической реальности. Это обстоятельство, в свою очередь, приводит к значимым отличиям в объяснительных процедурах и идеальных объектах, к которым прибегает историк в своей работе. Историк не может, в отличие от писателя, удовлетвориться внутренней связностью и завершенностью событий в рамках сконструированной интриги. Он должен соблюсти точность факта и обосновать способ связи фактов и событий.

Исторический нарратив, если понимать его как продукт направленного на историческую реальность исследования, а не в качестве продуктов работы воображения, памяти или языка, противопоставит формам обыденного мышления и опыта. В этом смысле нет большого различия между историей и естествознанием как научными дисциплинами. Исторический нарратив в этом случае, так же как и продукты строгих и естественных наук, создается при помощи идеальных конструкторов и специфических объяснительных процедур, очерчивающих определенную предметную область в онтологии. Как указывал М. Хайдеггер, «математика не строже историографии, а просто более узка в отношении круга релевантных для нее экзистенциальных оснований» [17, с. 153].

Задача даже не решения, а сколько-нибудь строгой постановки вопроса отнесения историко-нарративной предметности к той или иной определенной онтологической области (если таковая существует) предполагает предварительное уяснение сущности процессов становления когнитивных практик исторического нарратива эпистемологической динамикой опыта повседневности. И здесь к настоящему времени сложился ряд подходов, уже приобретших характер отчетливо выраженных исследовательских традиций концептуализации исторического нарратива.

1. Аналитической философии свойственно рассмотрение исторического нарратива с точки зрения его эпистемологической значимости и в терминах критериев его адекватности для той или иной познавательной задачи. Исторический нарратив в данном случае понимается как форма представления преимущественно исторического знания, которая должна быть рассмотрена, во-первых, с позиций возможности ее верификации и фальсификации,

а во-вторых, с точки зрения объяснительного потенциала в противовес другим формам представления. Исторический нарратив в этом случае представляет интерес в контексте общего процесса поиска критериев такой научной рациональности, которая могла бы охватить математическое естествознание в одном ряду с социо-гуманитарными науками. Характерным примером такого подхода является развернувшаяся в XX в. методологическая дискуссия между сторонниками «объяснения» и «понимания» (К. Гемпель, Ч. Франкел, У. Дрей, Г. Х. фон Вригт и др.)

2. В традиции, связанной, во-первых, с проектом критики модерна (инспирированной главным образом трудами т. н. школы подозрения: К. Маркса, Ф. Ницше и З. Фрейда), а во-вторых, структуралистским подходом к семантике и языку, исторический нарратив понимается как автореферентная система, в которой объяснение события происходит не благодаря репрезентации чего-либо, а благодаря системе дифференциации языка. Различие между историческим и вымышленным нарративом фактически устраняется. Конкретный исторический нарратив, как правило, понимается как идеологический инструмент, нацеленный на легитимацию того или иного тотализирующего дискурса путем создания референциальной иллюзии («эффект реальности» [3]), которая обслуживает властные интересы индивидуумов и групп в настоящем, а не является способом репрезентации реального прошлого. Логичным развитием такого подхода является переосмысление функций исторического нарратива, как и историографии в целом, в русле «критической истории» Ницше [10]. Доминирующими ориентациями исторического исследования в таком случае будет реинтерпретация господствующей традиции в пользу дискриминируемых групп, а также создание и реконфигурация индентичностей, сопряженные с отказом от презентации прошлого в отрыве от требований настоящего (т. н. презентизм в исторической науке). Для данной традиции характерен анализ исторического нарратива в прагматическом аспекте; внимание исследователей сконцентрировано вокруг проблем интерпретации, риторического эффекта, когнитивного и эмоционального аспектов процесса чтения исторического повествования и т. д.

3. Третий подход к историческому нарративу вырастает из герменевтико-феноменологической традиции. Для формирования современного понятия исторического нарратива определяющее значение имеют несколько моментов, актуализированных именно в рамках этого философского направления. Переоткрытие темпорального горизонта процессов мышления в феноменологии оказало огромное влияние на воззрения о способах данности и представления последовательных событий. В противовес классическому, аналитическому подходу о мгновенности актов схватывания объектов, мышление, понятое феноменологически, обретает историческое измерение. Осознание специфики схватывания и представления темпоральных объектов сыграло существенную роль в процессе осмысления значимости нарратива для исторического познания. Радикальная трактовка историзации мышления служит основанием для неклассических тезисов об абсолютизации исторического нарратива в качестве адекватного способа реактивации смыслопорождающей активности, приводящей к седиментации таких, на первый взгляд, далеких от временных

характеристик представлений, как геометрические теоремы и законы формальной логики (см.: [6]). Это, в сущности, перевернет классическую перспективу: не история будет выстраиваться по образу и подобию естественных наук, а естественные науки растворяются в контексте своей историчности. С другой стороны, осознание «исторического» измерения бытия человека реконфигурирует смысл исторической науки: «...постижение исторического бытия знаков возможно только потому, что есть историчность историка» [8, с. 115]. История, таким образом, не будет ни «наставницей жизни», ни мозаикой фактов «то-как-это-было-на-самом-деле» в перспективе абсолютного наблюдателя, ни моделированием событий прошлого на основе физических и психологических законов, а превратится в тематизацию и теоретическое описание фундаментального аспекта устройства человека как «бытия-в-мире».

В связи с намеченными выше положениями Д. Карр отождествляет холистическую структуру нарратива с временностью человеческого бытия у Хайдеггера в виде структуры «ретенция/иммерсия/протенция»: «... поскольку нарратив выступает способом организации самих событий, а именно их распределения и связности посредством конституирующей структуры, включающей в себя происхождение (начало) — цель (финал) — реализацию цели (середина)» [16, с. 43].

Внутри этих подходов происходило и происходит постоянное взаимопроникновение и пересечение идей. Нельзя сказать, что в первом подходе онтологическая проблематика полностью отсутствует, а во втором вопрос об отношении к исторической реальности редуцирован к анализу структуры языковых различий. Наконец, и герменевтико-феноменологическая традиция отнюдь не исключает эпистемологическую проблематику, полностью подменяя ее рассмотрением фундаментальных принципов устройства бытия.

Для того чтобы проследить деривацию структуры исторического нарратива из области обыденного опыта, рассмотрим эпистемологическую проблематику объяснения/понимания первого подхода, поставленную под вопрос структуралистской теорией референции во втором подходе, в связи с онтологическими инновациями, предложенными в третьем подходе. Под онтологическими инновациями имеется в виду осознание принципиально важной роли темпоральности и историчности как способов бытия человека, где нарративы представляют собой внутренне присущие ему формы структурирования действий и процессов. Этим обуславливается настоятельная потребность систематического исследования техник объяснения и понимания, реализуемых в историческом нарративе, в непосредственной соотнесенности с разворачивающейся в опыте повседневности историей конституирования идеальных объектов и когнитивных практик исторической науки.

К настоящему моменту основными конвенционально принятыми критериями адекватности исторических нарративов являются, во-первых, фактуальная точность, во-вторых, широта объяснения в терминах внешних причин и условий (в первую очередь необходимых условий), в-третьих, возможность реконструкции мотивов, целей и альтернатив исторических агентов, т. е. понимания. Исторический нарратив, по сути своей, претендует на синтез процедур «объяснения» и «понимания». Он задает в историческом исследовании

пространство, примиряющее в себе эту центральную дихотомию методологии гуманитарных наук [19]. Требования фактуальной точности и внешнего объяснения, на первый взгляд, указывают на идеалы научной рациональности с ее направленностью на обоснование и процедуры верификации и фальсификации, в то время как возможность понимания отсылает скорее к повседневному миру обыденного нетематизированного опыта. Поскольку в историческом нарративе задачи понимания реализуются в единстве с процедурами объяснения, то уяснение природы последних также требует обращения к опыту повседневности.

Концепт «понимание» в философской литературе обычно рассматривается в двух аспектах, а именно: методологическом и онтологическом. О методологическом понимании в истории мы говорим, когда имеем в виду определенное познавательное отношение к исторической реальности, которое руководствуется необходимостью схватывания интенционального аспекта в исторических событиях. Речь, в сущности, идет о том, что цели и мотивы исторических субъектов не могут быть сведены к причинам ни с помощью объяснений через охватывающие законы, ни через «причинное истолкование телеологии» в духе кибернетики [4]. Не следует относить проблематику методологического понимания лишь к историографии, которая исходит из принципа методологического индивидуализма и номинализма. Исторические сущности надындивидуального характера, рассматриваемые историком во времени «большой и средней длительности», опосредованно включают интенциональный аспект и, исходя из требований конкретности знания, требуют понимания, если конечно не отказаться от собственно человеческого действия, редуцировав его к процессам экономики, биологии или физики. Как замечает по этому поводу Сартр, «Валери — французский мелкобуржуазный интеллигент, но не всякий французский мелкобуржуазный интеллигент — Валери», указывая на необходимость конкретного понимания исторической данности, в противовес описанию (объяснению) в эпифеноменальном ключе [14, с. 56].

В онтологическом аспекте понимание есть особая форма опыта, посредством которой человек различает социо-культурный мир ценностей, смыслов и человеческих действий. Иными словами, такое понимание задает горизонт опыта и мысли, в котором субъект обнаруживает себя включенным в социо-культурный мир. Оно является как концептуальная сеть различий, владение которой закреплено в когнитивной структуре здравого смысла. Благодаря этой концептуальной сети становится возможным осмысленный опыт действия в интересующем, разделяемом с другим мире жизни.

Как заметил еще Аристотель, нарративы создаются в виде подражания практическому действию [2]. В связи с этим создание нарратива опирается на структуры обыденного мышления. Построение нарратива возможно благодаря использованию ряда компетенций из системы знаний и навыков здравого смысла. Во-первых, для создания нарратива необходимо различить интеллигибельную структуру действия. Для того чтобы осуществить это различие, надо владеть системой понятий, в которых действие характеризуется в своем отличии от физического движения. К таким понятиям относятся «цель», «мотив», «обстоятельства», «взаимодействия» и т. д. Все эти понятия, имплицитно подразумеваемые самим процессом повествования, содержатся

в структуре здравого смысла в нерефлексивном виде в качестве дериватов онтологического понимания.

Во-вторых, понимание действия может быть осуществлено только на основе его символических опосредований, закрепленных в обыденном опыте. Артикуляция значений таких повсеместных действий, как знакомство, противостояние, помощь, в их типичности осуществляется в контексте символической системы, понятной и рассказчику, и слушателю. Символическая система обыденного опыта фиксируется в структуре обыденного языка и тем самым задает отдельным действиям контекст описания, первичную прочтываемость, сводит неповторимую уникальность конкретного действия к intersubъективным значениям обыденного языка. Не следует путать систему символического выражения действия с понятийным аппаратом социологии, антропологии или истории. В социальных науках артикуляция значения действия задается при помощи специально созданных категорий, понятий, номологических объяснении и т. д., которые нельзя смешивать с символическими конструктами, в которых культура различает самое себя.

В-третьих, артикуляции действия в структурах обыденного языка носят временный характер. Это легко продемонстрировать на основе понятий, задающих интеллигибельную структуру действия. Понятие мотивации указывает на тесное родство с опытом, унаследованным из прошлого. Понятия цели или проекта предполагают будущее, причем будущее, понятое особым образом, как возможное будущее, которое может и должно стать только в результате определенного действия. Понятие действия, примененное к какому-либо агенту в выражениях типа «он действует», «он страдает» и т. д., явным образом подразумевает настоящее. Как не раз отмечалось в исследовательской литературе (подробнее об этом у П. Рикера, Д. Карра, Й. Брокмейера и Р. Харре, В. Н. Сырова и др.), временный характер человеческого опыта связан с нарративной организацией таким образом, что человеческое время артикулируется в повествовании.

Подражать или репрезентировать действие, следовательно, «значит прежде всего предпринимать, что есть в нем от человеческого действия: его семантики, его символики, его временности» [12, с. 79]. Нарратив, несмотря на то что совершает разрыв с конкретным действием, конфигурирует абстрактные черты, которые содержатся во всяком человеческом действии.

Представляется, что отношения нарратива и практического понимания действия имеют двойственный характер. С одной стороны, термины, в которых осуществляется понимание действия, должны предшествовать построению нарратива, с другой — построение нарратива сообщает этим терминам единство и реальность.

Реальность — ибо термины, имеющие в парадигмальном плане только виртуальное значение... приобретают действительное значение благодаря последовательной связи, которую интрига сообщает агентам, их действиям и страданиям. Единство — ибо такие разнородные термины, как «агенты», «мотивы», «обстоятельства», становятся совместимыми и действуют сообща в реальных временных целостностях [12, с. 71].

Тем не менее наше практическое понимание действия конституирует нарративную компетенцию. Важно, что нарратив, подражая жизни, может сделать интеллигибельными (ценой редукции) ситуации неинтеллигибельные в жизни. Нарратив создает интересубъективные, абстрактные, наиндивидуальные категории (персонаж, действие, событие и т. д.) в результате присвоения нацеленных на индивидуальное действие категорий практического понимания (агент, цель, средство, мотив).

Мы отметили, что процедура понимания в исторической науке надстраивается на понимании как опыте изначального различения социо-культурного мира. Нарратив (присвоивший в процессе подражания интеллигибельную структуру, символические опосредования и временный характер практического понимания человеческого действия (агент, цель, средство и т. д.)) выполняет роль посредника между сферой практического понимания человеческого действия и пониманием в смысле познавательной процедуры историка. Понимание в исторической науке осуществляется благодаря нарративным категориям, входящим в подражающую действию структуру любого нарратива.

Вместе с тем процедура исторического объяснения, как выяснилось в результате дискуссии о методе исторической науки в XX в., отличается от процедуры объяснения через охватывающие законы и переописание интенциональных состояний в понятиях кибернетических систем. Объяснение в истории осуществляет переход от нарративной причинности, образуемой построением интриги, к объяснительной причинности. Это происходит в результате присвоения абстрактным категориям нарратива конкретных референциальных значений в рамках субъектно-объектного отношения к исторической реальности.

Нельзя не признать более чем убедительными существующие доводы в пользу заключения, что исторический нарратив в качестве продукта исторической науки стремится дистанцироваться от обыденного опыта. Однако процедуры объяснения и понимания, отличающие исторический нарратив от нарратива фикционального, вступают в отношение деривации к когнитивным практикам обыденного опыта. Нарратив подражает действию, опираясь на систему понятий, оформленную в структуре здравого смысла, а именно: 1) на его интеллигибельную структуру действия, отличающую его от физического движения; 2) на формы символического опосредования действия, закрепленные в обыденном языке; 3) на связь с временностью человеческого опыта. Процедура понимания и объяснения действий исторических агентов в историческом нарративе происходит на основе категорий (персонажа, цели, мотива), которые являются абстракциями, созданными в результате повествовательных практик. Для исторического объяснения принципиально важным является осуществленный в нарративе переход от индивидуального агента действия к наиндивидуальной категории персонажа, в область значения которой могут входить общества, страны, империи и даже географические регионы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апель К.-О. Трансформация философии. — М.: Логос, 2001. — 344 с.
2. Аристотель. Поэтика. Риторика. — М.: Азбука, 2015. — 320 с.
3. Барт Р. Эффект реальности // Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. — М.: Прогресс, 1989. — С. 392–400.
4. Вригт Г. Х. фон. Логико-философские исследования. — М.: Прогресс, 1986.
5. Гемпель К. Функция общих законов в истории // Логика объяснения. — М.: Дом интеллектуальной книги, 1998. — С. 16–31.
6. Гуссерль Э. Начало геометрии. Введение Ж. Деррида. — М.: Ad Marginem, 1996.
7. Карнап Р. Эмпиризм, семантика и онтология // Карнап Р. Значение и необходимость. — М.: Изд-во иностранной лит-ры, 1959.
8. Лиотар Ж. Ф. Феноменология. — СПб.: Лаборатория метафизических исследований, Алетейя, 2001. — 160 с.
9. Медведев Н. В. К вопросу о сущности языка: размышления Л. Витгенштейна и М. Хайдеггера. // Вестник ТГУ. — 2015. — № 2. — С. 20–25.
10. Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни. — Минск: Харвест, 2003. — 384 с.
11. Поппер К. Эволюционная эпистемология и логика социальных наук. — М.: Эдиториал УРСС, 2000. — 464 с.
12. Рикер П. Время и рассказ. — М.; СПб.: Университетская книга, 1998. — Т. 1. — 313 с.
13. Рорти Р. Витгенштейн, Хайдеггер и гипостазирование языка // Философия Мартина Хайдеггера и современность. — М., 1991. — С. 121–133.
14. Сартр Ж.-П. Проблемы метода. Статьи. — М.: Академический Проект, 2008. — 222 с.
15. Стрельченко В. И. История, философия и эпистемология науки. Опыт концептуализации. — СПб.: Астерион, 2019. — 490 с.
16. Сыров В. Н. К вопросу о нарративной природе социальной реальности и эпистемологическом статусе исторического нарратива // Вестник ТГУ. — 2009. — № 3(7). — С. 39–52.
17. Хайдеггер М. Бытие и время. — М.: Ad Marginem, 1997. — 451 с.
18. Щюц А. Формирование понятия и теории в социальных науках. // Щюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. — М.: Российская политическая энциклопедия, 2009. — С. 51–69.
19. Ячин С. Е. Вопрос о смысле истории в современном философском дискурсе // История как фундамент гуманитарного знания. Материалы международного семинара. — Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2018. — С. 21–28.